

Образованность и образование в варшавском кабаре
«Салон Независимых»¹

«Masz prawo nie rozumieć mnie,
lecz proszę nie zrozum mnie źle»²
Salon Niezależnych. Rodło. 1975

Прежде чем приступить к освещению означенного в заглавии вопроса, следует внести ясность относительно самого понятия «кабаре». Дело в том, что когда русский произносит слово «кабаре», он едва ли подразумевает под этим то же самое, что и поляк. Для представителей современной российской (и большинства западных) культуры этим понятием определяется чаще всего некий театр миниатюр, ресторан или кафе с эстрадной программой. Польское кабаре изначально сложилось не как простое эстрадное явление, а как творческая мастерская артистической и, более того, интеллектуальной элиты польского народа. Уже изначально польское кабаре возникло, прежде всего, как кабаре сатирическое.

Это культурное явление берет в Польше свое начало в Кракове (1905 году). И уже первое польское кабаре «Зеленый балоник»³, хотя и сформировавшееся по образцу западных, приобрело ряд специфических черт сатирического, даже политического кабаре, которые и отличают этот вид жанра в Польше от аналогичных в других странах⁴. Это кабаре не просто объединяло представителей краковской богемы. Более того, вечера этого кабаре были закрытыми, на них допускались лишь избранные – элита – по специальным пригласительным билетам.

Один из апологетов этого кабаре и активный участник программ Тадеуш Желеньски-Бой так характеризует «Зеленый балоник»: «Клуб артистов, который время от времени, без означенных дат организовывал для себя вечера, полуимпровизационного характера. Собрания начинались около полуночи, после театральной премьеры... «Кабаретная» часть длилась примерно до трех ночи; товарищеская часть значительно дольше...

Программа не повторялась никогда, каждый вечер был премьерой. Вход был бесплатный, но было абсолютно необходимо специальное приглашение, без которого никто в зал попасть не мог... Зал собраний был небольшой, вмещал лишь 100–120 человек... Публика сидела за столиками, количество алкоголя было существенным. Костяк публики составляли главным образом одни и те же люди: это была элита тогдашнего Кракова, профессора Академии художеств, артисты и их приятели, много профессоров университета, театр, журналисты и т. д.»⁵.

С этого времени кабаре становится и специфическим литературным жанром, а традиция «Зеленого балоника» стала своего рода моделью особого института артистов: кафе стало местом ночной забавы артистов и публики⁶, спектакль приобрел тип подборки отдельных номеров, где авторы являлись и исполнителями. Однако, несмотря на свою элитарность (а, может быть, благодаря ей), «Зеленый балоник» стал авторитетом, формирующим литературное и артистическое мнение, выполняя тем самым **особые дидактические и политические функции** (что специалисты по творчеству этого кабаре подчеркивали неоднократно). К этому моменту нам предстоит еще вернуться в дальнейшем.

Невзирая на закрытый характер встреч, слава о «Зеленом балонике» распространилась не только по всему Кракову, но и за его пределы, и вслед за этим кабаре аналогичные коллективы постепенно начинают появляться по всей Польше. Выступления этих коллективов были уже доступны широкой публике и мало-помалу превратили кабаре в одно из любимых зрелищ польской интеллигенции.

Особым явлением в этом жанре стали студенческие кабаре. Одним из первых кабаре, возникших в богатом студенческом театральном течении 1954–1965 гг., был коллектив, состоявший из нескольких молодых актеров под руководством Й. Добровольского, – «Конь» (*Koń*), представивший единственную программу в 1958 г. Затем появился целый ряд студенческих кабаре (от варшавского Студенческого Театра Сатириков, через «Бим-Бом» (*Bim-Bom*)), гданьский Театр Метафоры и Инсценизации (*Teatr Metafory i Inszenizacji*), до знаменитой краковской «Пивницы под баранами»⁷ (*Piwnica pod baranami*)), в большей или меньшей степени оперировавших сатирической программой из отдельных номеров, создавая совместно со зрителями специфический настрой каждого спектакля. Студенческие театры-кабаре порой значительно различались по своему характеру: например, агрессивный политический уклон варшавской «Стодолы» (*Stodoły*) и поэтический сюрреализм краковской «Пивницы под баранами» или черный юмор варшавского кабаре «Дрещовец» (*Dreszczowiec*) М. Зембатого и В. Млынарского, выступления которого транслировались позднее и на радио.

Позднейшие студенческие кабаре (начиная с 1970-х) соединили в себе общественную сатиру с элементами абсурда. Это знаменитое познаньское кабаре «Тэй» (*Teu*), вроцлавская «Элита» (*Elita*), которая сотрудничала с популярной радиопередачей типа «Иллюстрированный развлекательный еженедельник» (*Ilustrowany Tygodnik Rozrywkowy*). Подобный характер имели

также передачи «Шестьдесят минут в час» (*Szaśćdziesiąt minut na godzinę*). К этому течению примкнули позднее и авторы политических песен – Й. Келюс, П. Гинтровски, Й. Качмарски.

В те же семидесятые в мощное уже течение кабаре вливается еще один коллектив, ставший определенной вехой, даже эпохой в движении польских кабаре (и не только студенческих). Речь идет о варшавской артистической группе «Салон Независимых» (*Salon Niezależnych*). Коллектив сформировался в 1969 году, но настоящим годом рождения (известности и признания) можно считать 1971 г., когда начались постоянные выступления в «Клубе Медиков» в Варшаве. Варшавское кабаре «Салон Независимых» – это изначально три студента: Януш Вейс, Яцек Клейф и Роман Валисяк, которого вскоре (уже в 1970 г.) заменил Михал Тарковски, и в таком составе кабаре существовало уже неизменно много лет.

«Салон» представил свою первую программу без названия, но с ярким плакатом, в 1971 г. на конкурсе кабаре «Фама» и сразу же получил главную награду. А в 1973 г. этот коллектив был назван в прессе лучшим в Польше студенческим кабаре⁸. В 1974 г. другой польский журналист, Ян Поправа, не только поставил это кабаре в один ряд с пользовавшимся широчайшей популярностью, хорошо уже известным в то время краковским кабаре «Пивница под баранами», но даже особо отметил, назвав его «плодом эстрадного оживления за несколько лет, интереснейшим в своем роде примером новых эстетических и идейных качеств, которые предложили поэты, художники, театральные деятели и которые названы критиками «Молодой культурой»⁹. Можно смело утверждать, что кроме отдельных примеров, все кабаре того времени находились под влиянием поэтики «Салона Независимых».

Этот коллектив отличался тем особым чувством юмора, которое жюри фестиваля «Фама» 1973 года назвало «лингвистическим юмором», а пресса – «лингвистическим остроумием»¹⁰. Об этом же говорит журналист того времени Т. Нычек: им нравилось «выламывать зубы» языку, чем они демонстрировали свою осведомленность¹¹. Сами авторы кабаре говорили о себе, что пишут они не простым стихом и не белым, а «желтым». Благодаря чему на первый план выходили не эстрадные средства: они следовали за содержанием.

Помимо ярко выраженного интеллектуального характера этого кабаре, пресса того времени отмечала и его оригинальную эстетику¹², даровав ему даже титул «антикабаре»¹³. Дело в том, что, кроме всего прочего, это кабаре отличалось от всех своих предшественников и особым эстетическим оформлением выступлений. «Это было не элегантно кабаре... Тексты могли дразнить ухо и смысл эстетики. Исполнители пели слишком часто рядом или против тональности. Это было, учтивейшие уши, просто отвратительное кабаре... Абсурд как один из агрессивных языков действительности они положили в основу и на сцене, разоблачая тем самым абсурд всеобщий»¹⁴.

Кроме того, «Салон» выступал даже с джазовой программой, что, вероятно, закономерно: журналист Ян Поправа, в принципе, сравнивает эту

артистическую группу с джазовым коллективом, когда само произведение возникает при непосредственном контакте ансамбля со зрителями, в неустанной актерской импровизации на основе подготовленного текста¹⁵.

Это лишь эскизы к портрету знаменитого варшавского кабаре, столь любимого в современных интеллектуальных, литературских кругах Польши, характеризующие его особость, яркость, его популярность и влияние на широчайший круг зрителей и оправдывающие наше обращение к творчеству этого коллектива – наиболее приближенного к нашему времени из всех самых известных польских кабаре.

Несмотря на всю свою особость творчество этого кабаре находилось вполне в русле польских традиций этого жанра. И хотя журналист газеты «Студент» Т. Нычек говорил, что эти три артиста не имеют уже ничего общего с обычным кабаре, а другой корреспондент той же газеты отводил им роль не только мастеров, но и пионеров жанра¹⁶, не имея возможности категорически возразить этим мнениям, все же необходимо признать, что, несмотря на всю свою особость, творчество этого кабаре находилось вполне в русле польских традиций этого жанра. И тот же Я. Поправа говорит о них как о продолжателях традиции «Пивницы», «Овцы» Ежи Добровольского, ярмарочных представлений, а одного из членов коллектива – Януша Вейсса – он называет «точнейшим литературным верстаком», напоминающим порой молодую поэзию...¹⁷

Этот коллектив находился в русле традиций даже в том смысле, что уже первая их программа, как, скажем, и выступления «Зеленого балоника», включала в себя массу импровизаций. Эта спонтанность в выступлениях, так напомнившая Я. Поправе стиль джазовых импровизаций, вызывала порой брюзжание обскурантов, называвших их программы «балаганом». Именно на такое непонимание наталкивался в свое время и «Зеленый балоник».

Исключительно в русле традиций польского кабаре было и то, что члены «Салона Независимых» были представителями интеллектуальной элиты, были людьми образованными, думающими, ищущими (кстати, та оригинальная эстетика выступлений тоже указывает на самостоятельность мысли авторов группы и творческий поиск). Так, журналист М. Карпински точно выделяет три основных составляющих польского кабаре: актерско-авторские индивидуальности, склонность к игре, а также – что самое важное – чтобы авторам было что сказать. «Ребятам из „Салона“, – продолжает он, – есть много что сказать»¹⁸.

Это и выделяло коллектив «Салона» на фоне других современных кабаре. Большинство прочих коллективов того времени были группами молодыми, у которых обычно был запал, иногда – талант, но редко – то, что Я. Поправа назвал «сознанием» (*świadomość*)¹⁹: «Однако сознание является наиважнейшим козырем варшавских артистов, которые вышли из студенческого круга, продолжают свою деятельность вопреки химерным меандрам массовой эстрады, которая царствуют в надутом свете «шоу-

индустрии» на территории нашей страны. Осознание времени, в котором живут»²⁰.

Сознание времени и культуры. Сознание (а не просто знание) родного языка, что и дало повод называть юмор этого кабаре лингвистическим²¹ и что дало возможность вывести на первый план тексты, а не эстрадные средства. Э. Баневич отмечает, что «Салон» не зажигает свечей, не прибегает к силам «черной магии искусства», чтобы установить контакт с публикой, но (о чудо!) эффективно устанавливают контакт без всех этих уловок²². Рассуждения о магии выступлений этой группы возникают и у другого журналиста – А. Загаевского²³. Не демонстрирует ли это магическую силу образованного артиста, образования, когда интеллектуально подготовленный человек становится ценностью «в чистом виде», без украшений и прочих второстепенных атрибутов, могущих заинтересовать зрителя?

Об этом же свидетельствовала и эстетика представлений «Салона»: у них не было костюмов, декораций, реквизит был ограничен самым необходимым: стол, стул, стакан и т. п. Способ актерской игры упрощен до бытового, повседневного поведения. Большая доля импровизации исключала наигранность. Образованность и интеллект оказывались притягательны сами по себе²⁴.

Будучи сами высоко образованными, будучи выразителями идей, морали и этики образованных кругов общества, законодателями вкуса, эти артисты делились своей образованностью со зрителями, выполняя тем самым важные *дидактические функции*, о которых говорили критики уже в отношении «Зеленого балоника». И уже с самого начала сами они стали воспринимать свое назначение именно в этом ракурсе.

Показательно одно интервью с участниками этой группы. Тогда они объявили, что их кабаре, родившееся в 1971 г., просуществует до 1985 г., потому что в этом году кабаре уже не будет нужно, так как «исчезнет в мире ненависть и все люди доброй воли подадут друг другу руки». Участники кабаре однозначно осознавали своей целью борьбу с ненавистью, с насилием²⁵. По их собственным словам в первом интервью в Кракове, их программы были призваны ослабить чувство ненависти и ослабить его не уговорами, а рассуждениями на отвлеченные темы. В своих текстах они также признают, что нашли для себя один край – Польшу²⁶, не скрывая, что стараются быть «духовным суперменом» (*Pierwszy list do Leonarda Cohena. 1975*)²⁷.

С этой позицией согласна и пресса того времени (Ян Поправа): «В тот момент, когда настоящее литературы – это главным образом песенка, когда сообщения прессы формируют видение мира, может, собственно сатира кабаре, литературная песнь имеют шансы сыграть очищающую роль...»²⁸ Уже тогда журналисты говорили, что выступления «Салона» – это поучительный урок. Может быть, даже, как неоднократно подчеркивали журналисты (М. Карпиньски и Р. Крыницки), урок для целого поколения²⁹. И это вновь свидетельствует о высокой степени осознания действительности, об умении уловить и отразить самые важные ее проблемы.

Так, зритель получал образование там, где сначала, может быть, и не ожидал³⁰. И большую надежду в этом отношении авторы «Салона Независимых» возлагали на самого зрителя. Я. Клейф таким образом рассуждает о смысле своих программ: «Всякое искусство основывается на повторении старых правд новыми средствами. Эгалитаризм искусства также основывается на апеллировании к привычкам публики»³¹. Все, что показывалось на сцене, было, прежде всего, отражением того, что происходило в жизни. А зрители сами должны были сделать обобщения и выводы. И именно здесь была необходима готовность публики понять и оценить то, что происходит на сцене.

А авторы «Салона Независимых» в своего зрителя верили (в противоположность большинству эстрадных исполнителей, видящих в нем лишь пассивных потребителей). И в этом заключается одна из методик образования – предоставить возможность обучаемому самому сделать выводы, научить его думать. И тогда ученик вдруг начинает видеть другими глазами знакомые и привычные вещи, делает самостоятельно выводы, которые раньше не приходили в голову, а теперь кажутся такими очевидными.

И как отклик на эти размышления звучат слова журналиста Эльжбеты Баневич, которая также считает, что это кабаре призвано заставить зрителя думать в отличие от коллег – профессиональных артистов эстрады, ожидающих от своих «блондинисто-кремпленовых» зрителей (или зрительниц), пришедших на выступление лишь для того, чтобы «засчитать еще один культурно и весело проведенный вечер», только смеха и ничего более³².

И здесь мы затрагиваем еще один аспект философии обучения и образования: *Docens discimus*. Вероятно, здесь мы имеем дело и с обратной связью. Зал своей реакцией подсказывал авторам новые идеи. Древний закон «Обучая учимся», вероятно, подтверждается и этим примером. Случайно ли мыслящие умы стремятся найти аудиторию? Не только же ради того, чтобы донести свои мысли до слушателей, но и для того, чтобы зарядиться новой энергией, утвердиться в правоте своей мысли и найти материал для дальнейших размышлений.

Порой номера кабаре исполнялись вместе с публикой. Э. Баневич отмечала, что выступления «Салона» демонстрировали этим общее мышление зала и актеров, «реагирующих вместе, ощущая важность своих высказываний, ответственность за общество, членами которого являются. Благодаря этому между сценой и зрительным залом загораются искорки взаимопонимания, без которого нет политического театра»³³.

Осознание и выявление глубочайших конфликтов действительности привело к тому, что в конце концов программа кабаре, которая называлась «Гражданин. Имя. Фамилия», была и вовсе запрещена, и в 1975/76 уч. г. «Салон Независимых» прекратил свои выступления. К этому времени, по оценке Т. Нычека, они все меньше становились кабаре, а все больше «местом исповеди троих мужчин перед тридцатью»³⁴, стали говорить серьезно. Они

были плохими актерами в том отношении, что не могли скрыть свое отношение к действительности, и все больше становились серьезными учителями, не потеряв при этом (что весьма показательно!) своей популярности. И это исключительно рельефно выдвигает на первый план именно обучающую роль этого кабаре, которая, как показала история, оказалась, наверное, самой важной для зрителей: зритель приходил на выступления «Салона» не просто ради развлечения. И со сведением до минимума развлекательности в их программах интерес к их творчеству не угас.

Каковы же были темы творчества «Салона Независимых»? Что хотели они донести до зрителей? Какой круг проблем хотели очертить и чему хотели научить эти трое молодых людей? Что прежде всего волновало их в том мире, в котором они жили?

Они поднимали вопросы общественные. И о своих планах сами говорили следующее: сначала мы хотим осветить «самые большие болячки нашей действительности» – невежливость официантов, бездушность бухгалтеров, небрежность дворников. Далее (с 1979 до 1984 г.) они планировали заниматься «моральной» сатирой в адрес хиппи под общим названием «Волос долгий, ум короткий». Концом своей деятельности определяли 1984 г., так как «тогда исчерпаются все темы, кабаре будут не нужны, в мире установится любовь между людьми...»³⁵

На самом же деле в своем творчестве авторы касались значительно более важных и глубинных социальных вопросов. Это были темы, по выражению постоянного автора статей об этом коллективе Я. Поправы, «с первых страниц газет»³⁶.

Так, в их творчестве звучит тема содержания передач в средствах массовой информации. Какие это сведения, что за информация? Бессистемная, бездумная, бессмысленная. А ведь именно оттуда средний человек черпает основную массу сведений, забыв о существовании других источников знаний³⁷. Изображая поляка в свете массовой культуры, «Салон Независимых» ярко демонстрирует, что в обществе так мало, выражаясь словами Я. Поправы, «думающих потребителей»³⁸:

«Смотрит честный гражданин, день за днем, за часом час,
А с ним вместе на диване расслабляется семья,
Мать – из телевизора, дети – из газет,
Жена – как бы из радио, а он – из объявлений»

Telewizja. 1972

Так примитивны массовые развлечения (*Cyrk z Danii. 1967*), так примитивны организаторы этих мероприятий, исполнители-актеры (*Papkin. 1975*), что уже не удивляет низкий культурный уровень среднего человека. Одна из реприз «Салона Независимых» так и называется «Интервью с серым человеком». В другой же они представили «интеллектуальную» телевизионную викторину, закончившуюся беспардонной битвой за награды.

А номер «Свободный ринг» (*Ring wolny*. 1975) изображал общепольские состязания в науке ведения споров, показав, что на деле ничего общего с культурой и искусством эти дебаты не имеют.

Так, культура начинает заменяться неким эрзацем, и нашу действительность мы узнаем, читая строки:

«В море слез, в море слез Бруно Шульц сокращал Петрарку для SS.»

O śmierci Brunona Schultza. 1975

У читателя рождается настойчивое желание сопоставить две системы, не желающие знакомиться с богатством культуры прошлого, довольствующие лишь некоей выжимкой, экстрактом. И былым поэтам уже нет места в современном мире (*Stoi Adam Mickiewicz... 1978*).

В результате информационное поле современного человека оказывается наполненным банальными, заигранными фразами вроде до боли знакомых рапортов: «Бесплатные школы и больницы, голодных абсолютно нет» (*Pierwszy list do Leonarda Cohena*. 1975).

Так, в неожиданных образах предстает перед нами вся тогдашняя действительность³⁹, которую зритель с удивлением узнавал в зеркале миниатюр этого кабаре. Узнавал и начинал задумываться над, казалось бы, очевидными вещами, с которыми сталкивался постоянно, но только теперь начинал понимать, насколько это нелепо или пусто, а порой, может быть, и небезопасно. Подобная тематика, как и мастерство создания текста, позволяла прессе того времени поставить авторов этого коллектива в один ряд с польскими поэтами-современниками⁴⁰.

Средний обыватель, являясь частым персонажем реприз «Салона Независимых», подвергался сатирическим атакам с разных сторон. Не проходили авторы мимо «глубоких» советов, печатавшихся в женских журналах, предложив в своей пародии, например, такой совет: «... Как использовать старую одежду. Снимаете новую одежду и надеваете старую одежду» (*Porady praktycznej pani*).

А в песне «Свинья» (*Świnia*. 1972) авторы со свойственным им юмором показали, как много внимания мы уделяем порой внешним факторам в церковных ритуалах, не видя за всем этим основного смысла происходящего. И потому при подготовке пасхального стола главным становится не духовное ожидание праздника, а хлопоты по поводу того, как установить сахарного барашка на зелени (чтобы выглядело натурально, как на лугу), как во рту приготовленной свиньи уместить яблоко, а в ее ушах — флажки, как правильно сделать надпись майонезом (непременно вокруг барашка!). И вот оказывается, что центральное место за таким столом принадлежит свинье — заранее откормленной и застреленной. А все, что остается после такого стола, — это лишь сахарный барашек и два флажка, которые «выбрасываются в помой для новой свиньи».

И, может быть, такие номера позволили какому-нибудь простому гражданину-обывателю иначе взглянуть на вещи, к которым он привык: на свою работу, телевизор, «Фиат», отдых в Болгарии. Вещи, добытые им с

таким трудом, которые ему даже в голову не приходило критиковать. Может быть, кто-то из этих людей с пассивным подходом к жизни, направивших всю свою энергию на добывание «жизненных благ», удалось осознать наличие других ценностей благодаря выступлениям этих артистов, доводящих банальные вещи, знакомые привычки и штампы до абсурда? И ведь это тоже неплохая методика образования!

В чем авторы кабаре видят корни нездоровых явлений в обществе? Не в той ли паранойе, что царит в сейме, где председательствует престарелый, слепой (буквально и фигурально), «перепуганный психопат» маршалек, и, делая все «в интересах общества и для всеобщего блага», принимает нелепые законы при единодушном согласии (*Sejm*. 1976).

А песня «Не мучь меня» (*Nie męcz mnie*. 1974), адресованная, казалось бы, женщине, на самом деле звучит как обращение к действительности:

«Как трудно с преданной женщиной
Не чувствую себя поэтом
Беспрерывно что-то поправляю...»

«Потею за работою и страхами охвачен
Сон скорей похож на бред

Рискую этим растерять талант
И ловкость у меня не та уж»

«Плодотворнее всего живу, когда я один».

Так, польское кабаре взяло на себя функции исторически отсутствующих в Восточной Европе общественных институтов, противопоставленных государству. Потому единственной альтернативой официальной системе могло быть лишь общественное мнение, столь слабое в небезызвестную социалистическую эпоху, но поднимавшее голову в творчестве отдельных интеллектуалов, какими были авторы «Салона Независимых».

Вместе с тем зритель мог получить совет и на личном уровне: например, как можно просто почувствовать себя счастливым. Для этого нужно лишь на какое-то время представить себя на месте человека, которому сейчас очень непросто. Старая истина, но с каким мастерством и какими легкими средствами представлена она в репризе «О первой скрипке» (*O pierwszym skrzypku*. 1975).

И о самой проблеме образования (воспитания) рассуждали авторы «Салона Независимых» на сцене и посвятили этой проблеме специальную песню, представив, как обычно, непростую проблему в оригинальной форме. В такой форме, которая ставит больше вопросов, чем ответов, тем самым не поучая, а обучая:

«Вся молодежь учиться хочет.
Чтоб в мире этом лучше жить.
Она читает, возделает
Углубить то, что лежит на дне
Перемен и изменений, и то, что такое плодосмен

Вопрос ясный, что все дети
Много знать хотят о свете.
Задача трудная – внушить
Ребенку то, что есть бед
Притеснение и зло, чтоб этого не делал он.

Сухо ли, солнечно ли,
Группа закружится в танце.
С длинной палкой воспитатель
Не ударит малыша.
Два-три, два-три, и группа уж танцует».
Cała młodzież. 1975

Так, этот коллектив, сам обладающий достаточным интеллектом и желающий подарить искорку света и своему зрителю, сделал все, чтобы его публика уходила с вечеров не опустошенная, а напротив – отягощенная новым багажом, если не знаний, то размышлений. Чтобы, прощаясь сегодня, их публика уже думала о новой встрече завтра, ждала ее в надежде получить от этих ребят то, чего ей так не хватало в обыденной жизни. И известной глубиной (закрывающейся не в последнюю очередь в простоте) им удавалось поддерживать постоянный интерес к своему творчеству. «Будь Ты, Боже, столь любезным, позволь быть долго интересным...»⁴¹

Примечания:

1. При написании этой статьи автор в значительной мере опирался на подборку материалов по творчеству «Салона Независимых», составленную одним из участников этого коллектива М. Тарковским как приложение к аудио-изданию песен «Салона», но не являющуюся официальным печатным изданием и в связи с этим не имеющую выходных данных, а также пагинации.
2. «Имеешь право не понимать меня, но прошу: не пойми меня неправильно».
3. Буквально название кабаре переводится как «Зеленый воздушный шарик». О названии см., например: *Faron B. Jama Michalika. Przewodnik literacki. Krakow, 1997. S. 71.*
4. *Бондарь Л.Д.* Краковское кабаре «Зеленый балоник»: вариации на тему?.. // Восточная Европа: концерт культур: Материалы III Международной научной конференции (Санкт-Петербург) / Под ред. К.С. Пигрова, Л.Д. Бондарь, Т.И. Масловской. СПб., 2004. С. 245–255.
5. *Zeleński-Boy T.* Legenda "Zielonego balonika" z perspektywy ćwierćwiecia. Kraków, 1930.

6. О краковских артистических кафе см.: *Бондарь Л.Д.* Артистические кафе в Польше на рубеже 19–20 вв. // Восточная Европа: прошлое и современность / Под ред. Л.Д. Бондарь. СПб., 1999. С. 34–38.
7. «*Piwnica pod baranami*» переводится буквально как «*Подвальчик под баранами*».
8. *Natkaniec B.* Pierwszy wywiad z «Salonem Niezależnych» // *Echo Krakowa*. 24.11.1973.
9. *Student*. 04.09.1974.
10. *Fama 71 // Przegląd*. 08.08.1971.
11. *Nyček T.* Poza konwencją. Цитируется по указанному в прим. 1 изданию М. Тарковского.
12. *Głos Szczeciński*. 20.07.1973.
13. *Student*. 04.09.1974.
14. *Nyček T.* Poza konwencją.
15. *Student*. 04.09.1974.
16. *Student*. 04.09.1974.
17. *Student*. 04.09.1974.
18. *Sztandar Młodych*. 11.02.1972.
19. *Student*. 04.09.1974.
20. В своей песне «Хорошее воспитание» авторы сами дают себе оценку: «Независимо от того, что будет с нами... те добытые знания останутся, что не дают сейчас спать педагогам» (*Dobre wychowanie. 1971*).
21. Ср.: *Nyček T.* Poza konwencją; *Fama 71 // Przegląd*. 08.08.1971.
22. *Polityka*. 02.1975.
23. *Polityka*. 01.06.1974.
24. Более того, М. Карпиньски отмечает, что у них никогда не было афиш, а зал всегда был полон; просто люди знали, где будет интересно: *Sztandar Młodych*. 11.02.1972.
25. *Natkaniec B.* Pierwszy wywiad z «Salonem Niezależnych».
26. И эта любовь к своей стране проявлялась, в частности, в обращении к национальным обычаям, когда, скажем, зрителю напоминалось о традициях дня святого Яна (*Inżynier ziemny. 1975*) или о знаменитой народной песне «Шла девушка» - «*Szła dziewczeczka*» (*O pierwszym skrzyżku. 1975*). Это было сугубо польское кабаре, твердо осознававшее свою принадлежность польскому народу.
27. Кстати сказать, в названиях песен часто повторяется слово «первый». Не свидетельствует ли и это о желании быть духовным лидером?
28. *Student*. 04.09.1974.
29. *Sztandar Młodych*. 11.02.1972; *Student*. 24.09.1973.
30. Мы часто получаем новые знания и новые идеи там, где не ожидаем. Так и сами участники «Салона» столкнулись с этим в своей практике. М. Тарковский вспоминает об обеде в Познани, куда Яцек заказал курицу, а Януш – фазана, в котором нашел дробь, и сказал другу: «Посмотри, этот фазан боролся за жизнь, а твоя кура сама просила о смерти, у кур нет характера... а у фазана!»
31. Цитируется по указанному изданию М. Тарковского.
32. *Polityka*. 02.1975.
33. *Polityka*. 02.1975.
34. *Nyček T.* Poza konwencją.
35. Цит. по указанному изданию М. Тарковского.
36. *Student*. 04.09.1974.
37. Ср. слова Я. Поправы – прим. 28.
38. *Student*. 04.09.1974.
39. Кстати, о действительности: Януш Вейс в эссе 1972 г. иронично пишет о том, как Наша Действительность стала Моей (то есть Его) действительностью. На деле

тому и служили программы «Салона», чтобы Некая идея оказалась осознанной до конца и стала Моей (то есть зрителя).

40. *Nyctek T. Poza konwencją.*

41. «Бądź ty Boże tak łaskawym, pozwól długo być ciekawym...» (*Jeśli mi się kiedyś zdarzy... 1973*).

Bondar L. Wykształcenie i oświata w warszawskim kabarecie „Salon Niezależnych”

Polski kabaret narodził się w roku 1905 („Zielony balonik”). Stał się nie tylko specyficznym gatunkiem literackim i instytucją artystyczną, ale i autorytetem, kształtującym opinie literackie i artystyczne, pełniąc zarazem funkcje dydaktyczne i polityczne. Szczególnym zjawiskiem w ramach gatunku stały się kabarety studenckie, spośród których wyróżnić należy „Salon Niezależnych”, posiadający ściśle intelektualny charakter. Od początków swojej działalności twórcy tego kabaretu za swą misję uważali ujawnianie konfliktów zachodzących w rzeczywistości, budzenie świadomości widza, wywieranie nań oczyszczającego wpływu.

Tematyczna analiza tekstów tego kabaretu ukazuje, w jaki sposób obdarzony dużymi możliwościami intelektualnymi zespół dokładał starań, by publiczność opuszczała wieczór kabaretowy z nowym bagażem wiedzy lub przynajmniej refleksji.